

РУССКАЯ МЫСЛЬ

LA PENSÉE RUSSE

РЕДАКЦИЯ И КОНТОРА:
91, rue du Faubourg Saint-Denis,
PARIS-10e. TAI 83-16
« LA PENSÉE RUSSE »
C.C.P. 5883-44, PARIS.

Редактор
С. А. ВОДОВ

MARDI, JEUDI et SAMEDI

Выходит по ВТОРНИКАМ, ЧЕТВЕРГАМ и СУББОТАМ

ОСНОВАТЕЛЬ В. А. ЛАЗАРЕВСКИЙ

Directeur
Serge VODOFF

Прием по делам Редакции и Конторы
ежедневно от 10 до 18 часов,
кроме суббот и воскресений.
В экстренных случаях
Звонить в типографию: MEN. 01-29

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: на 3 мес. — 19,00 NF.; на 6 мес. — 35,00 NF.; на год — 70,00 NF.; ДЛЯ ЗАГРАНИЦЫ: на 3 мес. — 22,50 NF.; на 6 мес. — 42,00 NF.; на год — 84,00 NF.

Чехов — интеллигент

ДВА события наших дней — столетие со дня рождения А. П. Чехова и, независимо от этого юбилея, вдруг вспыхнувшие вновь страстные споры о русской интеллигенции — побуждают обратиться к теме, формулированной в заголовке данной статьи.

Казалось бы, и спорить не о чем: трудно назвать Чехова иначе, чем интеллигент. Однако, эта «кличка», по мнению некоторых наших эмигрантских журналистов (одним из них является осведомленный и даровитый Н. И. Ульянов, затеявший заново спор в статье «Ignorantia est»: — сборник «Воздушные Пути», Нью-Йорк), звучит совсем не положительно, пожалуй, даже бранно. Пламенный М. В. Вишняк страстно защищает «знамя» русской интеллигенции в статье «Суд над русской интеллигенцией» (Соц. Вестник» и в нашей «Р. М.», № 1460).

Повидимому, спор этот будет продолжен на предполагаемом в ближайшем будущем диспуте в Нью-Йорке, когда представители различных эмигрантских групп «скрестят шпаги».

Что же инкриминируется всей русской интеллигенции? «Презрение к народу», «утопичность мышления, оторванность от реальной действительности; самообожание и самоуверенность». Белинский, Добролюбов, Чернышевский, Герцен и ряд иных более ранних и более поздних деятелей-интеллигентов, написавших чуждыми Руси западными веяниями, почитаются вредными утопистами, «одержимыми», «взвинченными»...

Что же, в противовес этому, ссылаясь на авторитеты, приписывает М. В. Вишняк положительного русской интеллигенции? «Высокое моральное воодушевление» (М. М. Карпович), «вместилище национальной памяти» (П. Н. Милуков) и даже З. Гиппиус: — «крайняя прямота, стойкость, непримиримость; к этому следовало бы еще прибавить, совсем не исчерпывая иных ценных

черт, честную идейность, жертвенность, готовность в ряде случаев отдать свою жизнь за благо, на благо, которое может быть иногда вполне реальным, в иных случаях иллюзией блага, но в эту иллюзию искренне верили...

Думается однако, что при подобных рассуждениях об интеллигенции, как с одной точки зрения, так и с другой — есть терминологическая, а, может быть, и методологическая ошибка: вряд ли целесообразно делать характеристику интеллигенции вообще, беря ее как бы монолитную, единую на протяжении чуть ли не двух столетий. «Все течет, все меняется». За долгое время прошло так много этапов общественно-исторической жизни, столь различных по своему содержанию, по социальной и научной атмосфере, по эмоционально-бытовому напряжению и окраске, по вкусам, религиозным оттенкам мысли, по государственной структуре, что попытка привести типы русской интеллигенции к одному знаменателю более, чем затруднительна. Больше того, — само понятие «интеллигенция» настолько неопределенно-широко и даже расплывчато и меняется на разных этапах, что необходимо каждый раз оговаривать его содержание.

Достаточно заглянуть в приличные энциклопедические словари разных десятилетий и на разных языках, чтобы увидеть путаницу в самом понятии, не только с исторической стороны.

Слово, заимствованное из латинского лексикона, было, по утверждению Р. Иванова-Разумника, пущено в оборот писателем П. Боборыкиным в 60-х годах прошлого века и понималось как бы в родстве с «критически мыслящей личностью». К концу столетия слово это перекочевало и за-границу, и теперь его употребляют в зап. Европе, но, обычно, не на русский лад, а соответственно первичному латинскому значению: «группа лиц, обладаю-

щих особым (значительным) образованием», т. е. люди умственного труда, — «интеллектуалы». Только западные историки-специалисты знают особый смысл этого термина, как он был окрашен в 60—80 гг. наводниками (П. Л. Лавровым, Н. К. Михайловским, Петрищевым и др.). Последние интерпретировали «интеллигенцию», как немногочисленный «мыслящий» слой л е в о г о толка.

Любопытно, что Михайловского как раз и слышится то, что утверждает Н. И. Ульянов: «Мы интеллигенты, потому что много знаем, обо многом размышляем... Слепым историческим процессом мы оторваны от народа (подчеркнуто мною, П. Е.), мы чужие ему (тоже)..., но сердце и разум наш с ним... Мы — должники народа и ставим эту мысль во главу угла нашей деятельности» (зачастую — революционной, П. Е.).

«Оторванность от народа», в чем каялись, подобно ранее каявшимся дворянам, народники, была в известной степени действительно присуща народникам-интеллигентам, как и раньше их декабристам-интеллигентам, но значит ли это, что все русские интеллигенты отличались этим «пороком». Ничуть. Позднейшая наша русская з е м с к а я интеллигенция, как общеизвестно, знала народ, тесно соприкасалась с ним, реально, а не на словах только, помогала ему, служила ему (школы, медицина, агрономия и т. п.) и принесла очень много гуманности, добра, жертвенного труда.

Расширяющееся понятие «интеллигенция» многократно трактовалось и расшифровывалось после народников; то она — представительница образованности и политической силы разных социальных слоев, классов (т. е. — не единая), или неустойчивая, неопределенная группа, переходящая, с одной стороны, в буржуазию, с другой — в пролетариат (мнение марксистов, напр., А. Н. Потресова), то она с в е р х к л а с с о в а я, и в ней идеальная сторона человеческого духа победила групповую ограниченность (Н. Бердяев); наконец, возникает и понятие «советская интеллигенция», т. е. слой образованных людей, профессионально занимающихся интел-

лектуальным трудом и, разумеется, выполняющих партийные директивы».

Попыток определить, что такое интеллигенция, было множество, и приведенные примеры далеко не исчерпывают в теории пестроты термина, на разных этапах вбиравшего в себя новые оттенки.

Но уже на рубеже 19-го и нашего века практически, в понимании широких кругов русского общества, интеллигентами стали называть всех более или менее образованных людей, занимавшихся умственным трудом, независимо от их сословной принадлежности; в эту категорию в представлении общества попадали ученые, учителя, врачи, люди искусства, а также чиновники всех рангов, офицерство и т. п. При этом даже не считались с политическими взглядами таких людей, полагая, что спектр интеллигентного общества широк и пестр, и что интеллигент может быть и революционером, лишь бы его интеллектуальный уровень не был низок.

Прежний постулат об обязательной позиции радикализма для интеллигента практически был затухшеван; понятие стало приближаться к западному термину — «интеллектуалы». Впрочем, Д. Овсянников-Куликовский, написавший в конце первого десятилетия нашего века «Историю русской интеллигенции» по литературным типам (!), все же исключал, по-старинке, из своего обзора Аксаковых, Каткова, Мещерского и подобных им, но у него же среди интеллигентов находим Онегина и Печорина!

Повидимому, полемисты наших дней продолжают понимать слово «интеллигенция» в давнем, традиционном смысле, уже, чем это понимается в широких кругах новейшего, современного нам общества, которое совершенно справедливо зачислит в разряд интеллигентов и Н. И. Ульянова, оживившего поход против всей интеллигенции в целом в духе знаменитых «Вех» 1909 года, хотя прошло уже полстолетия с тех пор (и какие 50 лет! С какими глубочайшими изменениями!), к интеллигентам принадлежит и горячий, честный М. В. Вишняк, защищающий, правда, преимущественно радикальную интеллигенцию.

При чрезмерно расширившемся понятии «интеллигенция» начинают стираться, может быть, яркие отличительные признаки интеллигентности; к интеллигентам искренне начали себя причислять конторщики типа чеховского Епиходова и многие герои Зошенко, представляющие собою на новом этапе тех же епиходовых, выдвинутых революционными обстоятельствами на поверхность жизни.

Как же быть? В самом деле, понятие «интеллигенции» становится настолько расплывчатым, многообъемным, что в нем легко заблудиться.

КОГДА Чехов стал изображать чиновничью, обывательскую провинциальную «интеллигентскую» (но не интеллигентную) мелюзгу, размагниченных болтунов, краснобаев, свое безделье оправдывавших пресловутым «среда засла», когда в его рассказах х у д о ж е с т в е н н о осуждались жалкая образованность, безволие, унылые будни, эгоизм, физическая и моральная нечистоплотность, уродливая семейная жизнь, дурное воспитание детей и т. д. (это были трудные 80—90-ые годы 19-го века), то это во все не был поход против интеллигенции, как думают некоторые, — наоборот, это был поход писателя з а интеллигенцию, за ее здоровый дух, за здравый интеллект, за крепкую волю, за созидательный (большой или малый, все равно) труд на пользу всего общества, во всех его секторах. Его порицание вызывали люди, которые по своему положению, по возможностям, по характеру деятельности могли бы, должны были бы стать подлинными интеллигентами, но опустили в разряд «обывательской интеллигенции», потому что сформировалась и такая на рубеже двух столетий, наряду с очень своеобразным слоем полуинтеллигенции (явление очень интересное для наблюдения социологов).

Однако, изображая людей хмурых, людей «в сумерках», Чехов в некоторых произведениях наметил черты настоящих интеллигентов так, как он понимал и как понимали вместе с ним многие его современники. Доктор Астров («Дядя Ваня»), Петя

Трофимов («Вишневый сад») — люди, жаждущие движения вперед, и каждый из них идет по-своему, борется с рутинной, с пошлостью, облагораживает себя. Астров прежде всего не бездельник; он врач, неустанно работающий среди народа, но этого ему мало, — он любитель-агроном, он трудится в области статистического изучения не вообще матушки России, а именно того района, где вплотную сталкивается с народом, любит его и помогает ему, как равный. У Астрова, как и у Трофимова, широкий взгляд на жизнь, основанный на хорошей образованности, в том числе (и это очень важно) на самообразовании; у него есть своя точка зрения, он не обыватель-эгоист, у него тонкие чувства, он внутренне и внешне изыскан.

Очень интересна по замыслу повесть «Дуэль», где Чехов попытался показать, как обыватель-интеллигент Лаевский, вначале — вместилище всех пороков пошлости, затем, под влиянием сильного психического шока, «преобразуется» — превращается в человека, научившегося трудиться, а отсюда и преобразование прежней его беспорядочной семейной жизни в морально опрятную.

НО НАИБОЛЕЕ интересен облик самого Чехова. «Выжавший из себя по капле раба», внук крепостного, сын мелкого лавочника, в детстве находившийся в самой мещанской обстановке, испытывавший на себе отцовский деспотизм, порку, он неустанной работой над собой, неустанно самообразовывавшийся, вырабатывал из себя человека, которого без всякой натяжки не только можно, а должно считать за образец интеллигента, как этот образец представлялся полстолетия тому назад и как и теперь еще он не теряет своего ореола.

Двадцатилетний врач и писатель, укоряя одного из своих неуравновешенных братьев, сообщает ему своего «кредо»:

«Воспитанные люди должны удовлетворять следующим условиям:

1. — Они уважают человеческую личность, всегда снисходительны, мягки, вежливы, уступчивы...

2. — Они уважают чужую собственность, а потому платят долги.

3. — Не лгут даже в пустяках... Они не лезут с откровенностями, когда их не спрашивают...

4. — Они не унижают себя с тою целью, чтобы вызвать в другом сочувствие...

5. — Они не суетны. Их не занимает рукопожатие пьяного Плевако.

6. — Если имеют в себе талант, то уважают его... Они жертвуют для него всем. Они брезгливы.

7. — Они воспитывают в себе эстетику... Им нужна от женщины не постель... Им, особенно художникам, нужны свежесть, изящество, человечность, способность быть не а матерью»...

И дальше замечательная приписка: «Тут нужны непрерывные дневной и ночной труд, вечное чтение, штудировка, воля... Тут дорог каждый час».

Именно так воспитывал себя сам Чехов, и его обаятельный, в полном смысле слова интеллигентный внешний и духовный облик воспринимался всеми, лично с ним общавшимися; вряд ли можно разыскать среди многочисленной мемуарной литературы о нем порицательное суждение; даже такие антиподы, как Горький и Бунин, единодушны в своем мнении о нем. Бунин был строг к людям, умел очень зорко подмечать слабые стороны, а о Чехове написал удивительные строки:

«Чтобы эта сложная и глубокая душа стала ясна, нужно, чтобы какой-нибудь очень большой и очень разносторонний (подчеркнуто мною, П. Е.) человек написал книгу жизни и творчества этого «несравненного», по выражению Толстого, художника. Я же всей душой свидетельствую пока одно: это был человек редкого душевного благородства, воспитанности и изящества в самом лучшем значении этих слов, мягкости, деликатности при необыкновенной искренности и простоте, чуткости и нежности при редкой правдивости».

Интеллигенты-наблюдатели — Михайловский и Скабичевский — при их партийно-групповой ограниченности (а, стало быть, по-моему, и неполноценной интеллигентности) —

рогской библиотеки, заботы о постановке памятника Петру в родном городе — и все это в течение семи лет при развивающейся смертельной болезни!» (Бунин, «О Чехове», 1955, Н. И., стр. 133). Говорили, что это «малые дела», мелочи, а насколько эти мелочи были реальнее и ценнее, чем большие разговоры теоретиков!

«Мое святое святых — это человеческое тело, здравье, ум, талант, вдохновение, любовь и абсолютнейшая свобода» и еще:

«Я не либерал, не консерватор, не постепеновец, не монах, не индифферентист. Я хотел бы быть свободным художником — и только»...

Вряд ли, однако, прав был Плещеев, упрекавший Чехова за то, что у него нет «протестующего» элемента. Почти во всем, что было написано Чеховым, слышен протест, осуждение безволия, лени, обывательщины, только сделано это без тенденциозных педалей, художественными образами. Лично же Чехов (не в писаниях своих, а в поведении) явно протестовал против ретроградства и обнаруживал свои прогрессивные симпатии; так, напр., он разошелся с нововременцем Сувориным, у которого долго сотрудничал, из-за черносотенных суворинских нападок на Дрейфуса; отказался от звания почетного академика, когда Максима Горького «изгнали» из Академии (отказался тогда и Короленко); он любит и уважает Некрасова, и не считает его устаревшим, он уважительно расценивает Добролюбова, но он смело протестовал и против давления «слева» (напр., резкое письмо В. М. Лаврову — редактору журнала «Русская Мысль»); но, в то же время, более, чем сомнительна предвзятая попытка ловкого советского литературоведа В. Емиллова превратить Чехова в предшественника революции 1905 года и в человека революционных взглядов; скорее всего писатель был близок к эволюционному пониманию прогресса.

Особенно ценил Чехов созидательный труд и на своем личном примере показал его. Бунин подчеркивает это:

«Поездка на Сахалин, книга о нем, работа во время голода и во время холеры, врачебная практика, постройка школ, устройство таган-

рогской библиотеки, заботы о постановке памятника Петру в родном городе — и все это в течение семи лет при развивающейся смертельной болезни!» (Бунин, «О Чехове», 1955, Н. И., стр. 133). Говорили, что это «малые дела», мелочи, а насколько эти мелочи были реальнее и ценнее, чем большие разговоры теоретиков!

Для подлинного интеллигента, думается, характерна широта взгляда (по-бердяевски — сверхклассовость), умение чутко понимать людей иного склада. Чехов с течением времени ушел от религиозного мировосприятия. Он в 1903 году писал Дягилеву: «Как бы это я ужился под одной крышей с Д. С. Мережковским, который верует определенно, верует учительски, в то время как я давно растерял свою веру и только с недоумением поглядываю на всякого интеллигентного верующего».

Казалось бы, при таком мироощущении он легко мог бы стать защитником атеизма, однако, он мудро судит о легкомысленном решении этого вопроса, — в его записной книжке № 1 читаем:

«Между «есть Бог» и «нет Бога» лежит целое громадное поле, которое проходит с большим трудом истинный мудрец. Русский же человек знает какую-нибудь одну из двух этих крайностей, сеvedина же между ними ему неинтересна, и он обыкновенно не знает ничего или очень мало». И вот, несмотря на различия между собой и Мережковским, он в уже упомянутом письме Дягилеву добавляет: «Я уважаю Д. С. (Мережковского) и ценю его и как человека и как литературного деятеля», т. е. он старается понять и уважительно отнестись к тому, кто мыслит и чувствует не так, как он сам. Отсюда становятся понятными его проникновенные рассказы, как, напр., «Святою ночью» и «Архидиакон», полные благостного религиозного настроения. Где-то в глубинах души Чехова, им самим, может быть, и неосознанных, интуитивно теплилось понимание и сочувствие к тем тончайшим, сокровенным движениям духа молитвенного, знакомого ему в наивном детстве и, может быть, горестно утраченного.

Неверующий в обычном церковно-обрядовом смысле, он умел пронзительно рассказать о монахе-поэте, авторе сладчайших акафистов, рассказать без глумления, без иронии. Конечно, прав Б. К. Зайцев, в своей книге о Чехове (Н. И., 1953) убедительно проследивший эту сторону мысли и сердца Чехова.

В СЕ перечисленное складывается в гармонический облик человека высшей интеллигентности: широкий кругозор, отсутствие предвзятости и партийности, тонкость чувств, деликатность, внимательность и уважение к людям, внешнее и внутреннее изящество, благородная мечта о жизни прекрасной, которая придет, если люди будут сообща трудиться, каждый по мере своих сил и возможности, трудиться упорно, настойчиво, как это и делал неустанно Чехов, знавший народ, не чуждый ему и несший ему не на словах только, а на деле — добро.

Все это не юбилейный панегирик, здесь не иконописный портрет Чехова, подретушированный и лакированный; ничто человеческое не было чуждо писателю, бывали и промахи у него и ошибки, но он преодолевал их; нет, здесь лишь сделана попытка — при возобновившихся спорах о русской интеллигенции — показать образцового русского интеллигента, на которого следовало бы «равняться» и нашей теперешней интеллигенции, уйдя от устаревшего понимания этого термина, расширив его соответственно нашей эпохе.

Дифференцируя разные типы нашей интеллигенции, следует выбрать как пример, достойный подражания, именно тот положительный тип, какой мы находим в Чехове. Кстати, — он хотя и наиболее цельный, выразительный, да еще при том и особенно талантливый, но не единственный, — подобно ему встречались и встречаются и другие, они и среди нас, зачастую невидные, не шумящие, не имеющие чеховского таланта, но близкие ему по душевному облику, и звание их интеллигентское не позорно, а почетно.

Петр Ершов